

ПОЛИТИКА, ПАРТИИ И ПРЕЗИДЕНТЫ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Джонатан Эйвс (*)

(Великобритания)

Введение

Большинство комментаторов все еще предполагает, что политика в Закавказье доминируется националистическими проблемами; что самыми успешными политиками и политическими партиями являются те, которые могут убедить электорат в том, что они будут самыми эффективными в отстаивании требований их национальности против требований других национальностей, в особенности если они воздействуют на контроль над территорией и ресурсами, размещенными на этой территории. Поэтому, представления о Закавказье доминируются конфликтами в Нагорном Карабахе, Южной Осетии и Абхазии. Эта статья показывает, что аналитический каркас, основанный на национализме, неудовлетворителен для понимания политических процессов, имеющих место в Закавказье, и не поможет нам понять результатов выборов, имевших место в трех закавказских республиках в 1995 году.

Эта статья предлагает новый подход к пониманию внутренних политических процессов, переживаемых в настоящее время тремя закавказскими республиками. Как это бывает со многими радикальными массовыми движениями, националистические движения, которые возникли в трех закавказских республиках в конце 1980-х, пережили полное изменение своего характера после прихода к власти. На первом этапе такие массовые движения стараются мобилизовать поддержку своих программ, обещающих совершенно новый политический и социальный порядок, тогда как на втором этапе они оказываются занятыми укреплением своей власти, что кроме применения компромиссов к радикальным идеям их первоначальной программы, также усиливает борьбу между группами в руководстве движения за контроль над принудительными и материальными ресурсами (1). Лишь одно из закавказских националистических движений, Армянское Общенациональное Движение (АОД), успешно справилось с этим переходом, но нынешнее политическое руководство в Грузии и Азербайджане пришло к власти, по крайней мере частично, на обещании возрождения демократической и националистической повестки дня потерпевших неудачу националистических правительств, и консолидировало новые политические режимы, чтобы остаться у власти.

Сейчас политическая власть в трех закавказских республиках проявляет многие черты этого второго этапа консолидации режимов. В противоположность первому этапу, массы общественности оказались демобилизованными; попытки националистических групп (или даже "консервативных" анти-националистических групп, наподобие восстановленных коммунистических партий) организовать массовые собрания, петиции и голодовки, которые несколько лет тому назад доминировали в политике, неизменно кончались неудачей. Народ оказался деморализованным и апатичным; если раньше была резкая поляризация между теми, кто поддерживал националистическое движение и теми, кто поддерживал статус кво, то сейчас многие не хотят даже побеспокоиться голосовать, как показывают дополнительные парламентские выборы. Это не удивительно. В Грузии и Азербайджане националистические движения потерпели поражение в их главном стремлении оказать сопротивление сепаратистским движениям, а в Армении, пока борьба за Нагорный Карабах закончилась внушительной победой, население оказалось задавленным катастрофическим экономическим и социальным кризисом (2).

Одним из наиболее важных элементов консолидации режимов является установление государственной монополии на средства принуждения на территории страны. Этот процесс оказался

особенно сложным в трех закавказских республиках, так как выход на первый план этнических конфликтов на первом этапе их политического развития сопровождался дисперсией государственной власти к различным неформальным группам - типично полувоенным организациям, связанным с организованной преступностью. Начальная стадия этапа консолидации режимов в Закавказье характеризуется борьбой между политическим руководством и этими "мафиями".

Ценой в этой борьбе является контроль над государственным аппаратом, что дает доступ к большинству, если не ко всем экономическим ресурсам закавказских республик. Первое, государство может заключать контракты с иностранными компаниями по эксплуатации природных ресурсов на территории страны, предоставлять лицензии на внешнюю торговлю, а также действовать в качестве получателя иностранной финансовой и гуманитарной помощи. Второе, государство контролирует налоговую систему и внутреннюю торговлю. Третье, контроль над министерствами и правительственными агентствами дает широкие возможности для осуществления патронажа. Как правило, среднемесячная государственная зарплата во всех трех закавказских республиках составляет около пяти долларов, что намного ниже даже официального прожиточного минимума, и молчаливо предполагается, что правительственные чиновники будут дополнять свои доходы взятками. Поэтому, вместо удаления бюрократической слизи путем создания ситуации, когда выплачиваются более реалистичные зарплаты, государственные деятели высокого ранга предпочитают нанимать такой штат, который зависит от них и, как ожидается, поддержит их в борьбе против политических оппонентов. Таким образом, кроме предоставления широких возможностей личного обогащения, контроль над государственным бюджетом является жизненно важным инструментом для тех политических групп, которые стремятся поддерживать свои позиции против соперников.

По мере того, как режим консолидируется, политические группы имеют тенденцию ограничивать себя мобилизацией небольших групп своих сторонников, обычно уже занимающих влиятельные политические или экономические позиции при этом режиме, чтобы осуществлять контроль над ключевыми звеньями государственного аппарата, что или дает доступ к принудительным ресурсам, обычно так называемым "силовым министерствам" - министерству обороны, внутренних дел и национальной безопасности, или же к экономическим ресурсам, таким, которые контролируют приватизацию - комитеты государственной собственности, парламентские комиссии и т. д., которые дают доступ к государственным кредитам - государственный банк, министерство финансов и т. д., которые имеют контакты с иностранными организациями или которые контролируют промышленность и торговлю, таможенные организации, налоговый инспекторат и т. д.

На поверхности такая политическая борьба кажется похожей на ту, которая имеет место в условиях западных демократий, но в Закавказье она укрепляет авторитарные тенденции из-за слабости гражданского общества, коррумпированности правовой системы и особенно отсутствия сильного среднего класса. Главной целью этой статьи является описание того, как политические лидеры и группы в Закавказье осуществляют контроль над изложенными выше ресурсами принуждения и материальными ресурсами, и каким образом этот контроль дает им оба, мотив и средства удержания власти. Однако воздействие этих процессов на перспективы демократии будет затронуто в заключении.

Используемый в этой статье сравнительный подход освещает как сходства между тремя закавказскими республиками, особенно тенденцию к авторитаризму, так и важные отличия, такие как характер этого авторитаризма, что позволит нам сделать некоторые предсказания о будущем развитии. Есть один пропуск в анализе, и это есть воздействие внешних факторов, особенно России, на внутреннее развитие в Закавказье. Однако, как смягчающее обстоятельство, можно отметить, что хотя действия России и доминировали на политической сцене в трех закавказских республиках после независимости, сейчас кажется что они становятся более предсказуемыми и поэтому, хотя Россия по-прежнему оказывает решающее влияние, они являются легче учитываемыми факторами. Обратимся теперь к тому, как развиваются процессы в каждой отдельной закавказской республике.

Армения

Политическое развитие в Армении с конца 1980-х дает особенно полезную модель по сравнению с развитием в двух других закавказских республиках из-за успеха, с которым АОД осуществляло переход от радикального массового движения к партии правительства. В сравнении с другими двумя закавказскими республиками внутренняя политическая сцена в Армении оставалась довольно стабильной с обретением независимости, и та же самая политическая партия, АОД, и тот же лидер, Левон Тер-Петросян, продолжали оставаться у власти с 1990 года.

На способ, каким АОД укрепилось у власти, в решающей степени повлияли внешние факторы, такие как, в общем, беспроблемные отношения Армении с Россией и ее военные успехи в Нагорном Карабахе, также как и социально-экономические факторы, такие как этническая однородность населения, относительная маловажность региональных, клановых и других суб-этнических групп и нехватка ее природных ресурсов, но тем не менее, эффективность политической стратегии АОД все еще удивляет. Есть три элемента успеха политической стратегии АОД: первое, заключение неформальных и формальных соглашений с лидирующими персонами и группами, принадлежащими к элите советской эры; второе, с самого начала подчинение полувоенных групп центральному политическому контролю и; третье, создание мощного государственного аппарата, который обладает монополией на принуждение и экономические ресурсы страны.

Арест членов Комитета Карабах в декабре 1988 года предполагал, что отношения между националистическим движением и руководством коммунистической партии Армении будут характеризоваться антагонизмом. Однако, после освобождения из тюрьмы членов Комитета в конце мая 1989 года, и проведения в июне учредительной конференции АОД, был введен период, который Рональд Сюни назвал "своего рода кондоминиумом между коммунистами и националистами". При этом "кондоминиуме" ведущие фигуры Комитета Карабах, такие как Левон Тер-Петросян, были приглашены для участия в сессиях Верховного Совета республики (3).

Относительно мягкий отход от правления коммунистической партии в Армении был облегчен широким характером членства в АОД, которое включало представителей старой неконформистской националистической интеллигенции, молодых активистов, которые были политически активны в ходе экологических и националистических кампаний середины 1980-х, также как и фигуры из республиканской коммунистической партии и коммунистического молодежного движения (комсомола). В этом отношении АОД, в определенной мере, более напоминало Балтийские народные фронты, чем националистические движения Грузии и Азербайджана, в которых более выделялись диссиденты-националисты и уличные активисты.

В июне 1990 года АОД нанес решительное поражение коммунистической партии на выборах в республиканский Верховный Совет и сформировал правительство страны, но АОД, при распределении министерских постов, включил и представителей старой коммунистической элиты. К примеру, после отставки в сентябре 1991 года Вазгена Манукяна, националистического соперника Тер-Петросяна, пост премьер-министра, вплоть до 1993 года, был занят бывшими коммунистическими технократами (4). В интервью в мае 1995 года Манукян заметил, что хотя АОД критиковало коммунистический режим, оно не критиковало отдельных коммунистов, и когда оно пришло к власти, новый режим приобрел "смешанный характер" (5).

Было много дебатов об экономических достоинствах обвальской программы приватизации ("шоковой терапии"), против достоинств более постепенного подхода, но было намного меньше дискуссий о политических достоинствах соперничающих стратегий. Пока в Грузии и Азербайджане националистические правительства откладывали радикальную экономическую реформу из-за страха социального взрыва, в Армении программа радикальной маркетизации была начата с самой начальной стадии. Удачно ли, или благодаря умению правильно разбираться, но радикальная экономическая реформа, в особенности приватизация, сыграла важную роль в консолидации нового режима. В 1992 году Тер-Петросян заявил, что правительство отвергло схему приватизации,

основанную, по российской модели, на массовом распределении ваучеров в обществе, в пользу превращения предприятий в "акционерные общества открытого типа", которые будут предлагаться, в первую очередь, их работникам. Если работники не используют предложенные акции, то предприятие будет предложено к продаже с аукциона. Всем было понятно, что эта форма приватизации давала шансы старой номенклатуре (6). Карен Демирчян, бывший руководитель армянской коммунистической партии, который мог бы нести угрозу, подобную той, которую несли Эдуард Шеварднадзе и Гейдар Алиев националистическим движениям в Грузии и Азербайджане, таким образом, оказался способен сохранить директорство крупного ереванского электромашиностроительного завода (7).

Первый крупный кризис, с которым столкнулось руководство АОД, был так называемый "кризис ополчения" в июле-августе 1990 года. 25 июля советский президент Михаил Горбачев издал указ, требуя роспуска в течение двух недель полувоенных групп в Армении и в других советских республиках. К тому времени главной полувоенной группой в Армении была Армянская Национальная Армия (АНА), которая насчитывала до 10000 членов. Вначале Парламент Армении отказался выполнить указ, выпущенный Тер-Петросяном и приказывающий АНА сдать свое оружие республиканским властям, но после того как боевиком АНА был убит член Парламента, он дал указание о ее немедленном роспуске и введении чрезвычайного положения (8). К началу сентября кризис начал спадать.

Пресечение Армянской Национальной Армии летом 1990 года не привело к окончанию проблем армянского ополчения. Большая часть работы по организации отрядов "само-обороны" в Нагорном Карабахе была проделана армянами диаспоры, связанной с политическими партиями эмигрантов, в частности Армянской Революционной Федерацией (Дашнакцутюн), которая контролировала правительство само-провозглашенной Нагорно-Карабахской Республики (НКР). Летом 1992 года Тер-Петросян принял меры, чтобы перевести правительство НКР под больший контроль АОД, и добился успеха, назначив своих сторонников на ключевые посты. В сентябре 1993 года он назначил Сергея Саркисяна министром обороны. До того Саркисян был министром обороны НКР, и его назначение обеспечивало то, что военные НКР будут более готовы идти в одном направлении с желаниями Еревана (9). Дело выглядит так, что различные отряды ополчения в Карабахе не оказывали какого-либо реального сопротивления их объединению в формальные военные структуры, хотя возникали трудности с отдельными командирами и, как резкий контраст к ситуации в Грузии и Азербайджане, впоследствии они не играли независимой роли в армянской политической жизни (10).

Став во главе государственного аппарата, с монополией на средства принуждения, АОД смог очень эффективно мобилизовать ресурсы страны на военные усилия в Нагорном Карабахе. Вплоть до 1990 года организация отрядов "само-обороны" в Нагорном Карабахе была в значительной степени спонтанным делом, с добровольцами и вкладчиками, свободно продвигавшимися вперед на общей националистической волне (11). Через "силовые министерства" руководство АОД организовало военные приготовления в более систематическом порядке. В ноябре 1992 года оппозиция в парламенте жаловалась, что министерство внутренних дел провело кампанию по созданию фонда, составившего 142 миллиона рублей для сил обороны, посредством посещения предприятий и "богатых людей", и просьб о "пожертвованиях" (12). В ответ на обвинения оппозиции летом 1994 года Тер-Петросян выпустил указ, ограничивающий власть министерства внутренних дел "облагать налогом" предприятия бизнеса (13). Однако, летом 1995 года директора больших предприятий продолжали жаловаться, что государственные чиновники из правительства посещали их, требуя чтобы им передали большие суммы денег и что они получают оружие (14). "Силовые министерства" быстро заняли центральную позицию при режиме АОД. Осенью 1992 года, менее чем через год после его учреждения, Тер-Петросян смог сказать, что министерство обороны было "самым большим министерством в Армении в смысле бюджета, персонала и программ" (15). Назначение Вазгена Манукяна министром обороны в сентябре 1992 года дало новый импульс строительству армии. К сентябрю 1993 года Вазген Саркисян, государственный министр обороны, заявлял, что план выполнен на все сто процентов (16). Можно найти разные цифры о численности

армянской армии, колеблющиеся от 30,000 до 50,000, что предположительно зависит от того, включаются ли в нее силы министерства внутренних дел и пограничники. Но, какими не были бы цифры, ясно, что Армения смогла мобилизовать для войны намного большую часть своих ресурсов, чем Азербайджан, потенциально ее намного более мощный противник (17).

Тер-Петросян и его сторонники успешно вышли из кризиса, укрепившись у государственного аппарата, в то время как часть из его противников и критиков покинула правительство (18). При контроле над государственным аппаратом, все более концентрировавшимся в руках маленькой группы сторонников Тер-Петросяна, не удивительно, что "силовые министерства" все более становились целью обвинений оппозиции в злоупотреблениях властью и коррупции. Собрания оппозиции до 1994 года имели тенденцию совпадения с затруднениями на войне в Нагорном Карабахе, и критики неудач правительства в эффективном ведении войны и признании независимости НКР. Когда оппозиция провела серию собраний весной и летом 1994 года, Армения подтвердила свое военное превосходство, остановив азербайджанское зимнее наступление, поэтому главной темой ее атак теперь были злоупотребления властью и коррупция. Весной 1994 года Ашот Манучарян, бывший советник Тер-Петросяна по национальной безопасности, Амбарцум Галстян, бывший мэр Еревана, (оба были бывшими лидерами Комитета Карабах), провели серию атак против коррупции в правительстве, сконцентрированную на Ване Сирадегяне, министре внутренних дел. Парламент создал комиссию для расследования этих обвинений и, в начале июня, было рекомендовано временно отстранить Сирадегяна от своих обязанностей (19). В конце июня Галстян сделал дальнейшую серию заявлений, утверждая что министерство внутренних дел было вовлечено в убийства, и что оно имело специальную группу рекетеров, которые вымогали деньги у армянских бизнесменов в Москве (20).

Значительная часть критики оппозиции была произвольной (21), и очень трудно получить точную информацию, но ясно то, что руководство АОД смогло получить не только монополию на ресурсы принуждения страны, но и монополию на ее экономические ресурсы. С превращенной в лохмотья экономикой Армении, особенно из-за внешней блокады со стороны Азербайджана и Турции, и практически отсутствия эксплуатируемых природных ресурсов, государственный бюджет стал единственным источником доходов для населения. Руководство АОД использовало эту экономическую силу, чтобы построить систему политического патронажа путем назначений своих сторонников на прибыльные правительственные посты. Оно могло также и откупиться от потенциальных политических оппонентов. Между декабрем 1994 года и мартом 1995 года почти вся коммунистическая парламентская фракция была изгнана из партии Центральным Комитетом за последовательное голосование вместе с правительством; в общем, была вера в то, что АОД подкупало коммунистических депутатов (22).

По мере приближения парламентских выборов 1995 года политическая атмосфера в Армении накалялась, дойдя до пика после убийства Галстяна в начале декабря 1994 года (23). Судьба правящих партий в других пост-советских республиках заставила АОД опасаться за исход состязания на выборах. Это беспокойство возросло в результате обещаний оппозиции привлечь к суду тех, кто получал незаконные доходы от дележа государственной собственности. 28 декабря, за шесть месяцев до назначенной даты парламентских выборов, Тер-Петросян издал указ, запрещающий оппозиционную Дашнакцутюн, обвиняя ее в участии в политических убийствах, торговле наркотиками и руководстве тайной военной организацией (24). Решение взять на прицел Дашнакцутюн требует некоторых объяснений. Длительные связи между Дашнакцутюн и политическим насилием дали ей непривлекательную репутацию, но очевидность для обвинений правительства на этот счет еще должна быть представлена, и тот факт что она получала основную часть своих финансов от диаспоры, и поэтому была непроницаема для экономического давления АОД, должен быть фактором в действиях последнего.

Парламентские выборы в Армении прошли в июле 1995 года, и результаты показали, что в новой ассамблее доминирует АОД и его сторонники. В то же время прошедший референдум показал одобрение новой Конституции, в соответствии с которой президент будет иметь широкие

полномочия, касающиеся, в частности, судебной власти. Был определенный элемент подлинно партийного соревнования, но это был больше вопрос о состязании в определенных пределах: лидирующая оппозиционная политическая партия была запрещена, сотням кандидатов от оппозиции на подложной основе было отказано в регистрации, средства массовой информации были далеки от беспристрастия, и мистически высокое число бюллетеней было аннулировано как "испорченные".

Международные наблюдатели выражали сильные сомнения по поводу демократического характера выборов. Пока команда наблюдателей из ОБСЕ ограничивалась загадочным комментарием о том, что выборы "свободные, но не справедливые", американская группа "наблюдала тревожную тенденцию подавления политического состязания и укрепление позиции правящего режима", а британская группа нашла выборы ни свободными, ни справедливыми (25).

Грузия

Процесс консолидации режима в Грузии был самым трудным из всех закавказских республик и, вплоть до парламентских выборов 1995 года, был далек от завершения. Если в Армении с самого начала националистическое движение взяло под контроль государственный аппарат и установило четкую монополию на средства принуждения на территории страны, то в Грузии государственный аппарат был быстро раздроблен и возникли "мафиозные" группы, с их собственными средствами принуждения и с большими экономическими ресурсами в их распоряжении, которые вступили в борьбу со сменяющим друг друга политическим руководством за контроль над государством. Контраст с Азербайджаном был не только в смысле больших размеров государственной фрагментации, но и большего места для политической конкуренции, которая была продуктом как стиля руководства Шеварднадзе, так и более ограниченных возможностей для грузинской политической элиты поддерживать свои позиции через патронаж. Комбинация слабого государства и относительно открытой политической системы сделала грузинскую политическую сцену исключительно непредсказуемой.

Внутреннее политическое развитие Грузии ясно формировалось через постоянную конфронтацию с российским руководством, которое с конца 1992 года рассматривало Грузию в качестве ключевого элемента в его стратегии по сдерживанию давления сепаратистов на Северном Кавказе, и экспансии турецкого влияния после распада Советского Союза. Тем не менее, нельзя отрицать, что слабый прогресс по консолидации своих режимов, который осуществили следующие один за другим грузинские политические руководители, сделали задачу России в получении решающего слова в Грузинских делах намного легче.

Частично, как следствие убийства мирных демонстрантов советскими войсками 9 апреля 1989 года, радикальное крыло грузинского националистического движения, блок Круглый Стол - Свободная Грузия, возглавляемое бывшим диссидентом Звиадом Гамсахурдиа, пришло к власти в результате парламентских выборов в Октябре 1990 года. В мае 1991 года большинством голосов Гамсахурдиа был избран президентом, но новый режим вскоре был осажден внутренними врагами, так как был направлен на конфронтацию с Москвой. Первое, националистическое движение оказалось глубоко расколотым, и ряд ключевых групп, таких как национал-демократы, которые были глубоко враждебны по отношению к Гамсахурдиа, были исключены из нового Парламента. Гамсахурдиа также столкнулся с враждебными ему ополченцами, прежде всего с Мхедриони, предводителем которого был Джаба Иоселиани. Второе, националистическое движение также было отчуждено от старой советской элиты; депутаты от коммунистической партии были изгнаны из Парламента после провалившейся попытки переворота в Москве в августе 1991 года. Третье, и наиболее решающее, то, что Гамсахурдиа быстро потерял контроль над правительственными вооруженными силами.

В феврале 1991 года грузинская полиция, в сотрудничестве с советскими военными, подавила Мхедриони и Иоселиани был арестован (26). За месяц до этого правительство основало собственные вооруженные силы, Национальную Гвардию, частично для того, чтобы действовать против групп подобных Мхедриони (27). Однако, скоро стало ясно, что ядро гвардейцев было верно

Тенгизу Китовани, их командиру, а не правительству, и когда Гамсахурдиа попытался перевести Национальную Гвардию под контроль министерства внутренних дел, во время августовского путча 1991 года, она восстала. В декабре 1991 года Национальная Гвардия возглавила вооруженный переворот, в результате которого был свергнут Гамсахурдиа.

Хотя Военный Совет, который захватил власть в начале января 1992 года, формально возглавлялся Тенгизом Сигуа, бывшим премьер-министром при Гамсахурдиа, реальная власть находилась в руках Китовани и Иоселиани, который был освобожден из тюрьмы в ходе переворота (28). Возвращение в марте Эдуарда Шеварднадзе в свою родную республику, чтобы возглавить правительство, не изменило этой реальности, как показало безапелляционное увольнение в мае Тенгизом Китовани генерал-лейтенанта Левана Шарашенидзе с поста министра обороны (29). Внезапное начало в августе войны в Абхазии, до того как правительство смогло использовать шанс создания настоящей армии, сделало ополчения еще более заметными, и в октябре Шеварднадзе организовал Совет Национальной Безопасности и Обороны во главе с Китовани и Иоселиани, как сопредседателями, для организации военных действий (30).

При государственном аппарате, парализованном постоянным политическим хаосом, и в условиях военного положения, ополчения играли главную роль в мобилизации страны для войны. Первым следствием этого делегирования власти от государства было бедственное военное положение Грузии в Абхазской войне. В апреле 1993 года Шеварднадзе признался западному корреспонденту, что "слишком рано говорить об армии. У нас только лишь сейчас появились вооруженные подразделения... В большинстве они являются патриотами и добровольцами. Уровень подготовки очень низок. Трудно говорить о дисциплине, она очень слаба" (31). В основном, в Абхазской войне многие грузинские боевики казались также заинтересованными в мародерстве, как и в преследовании военных целей. С целью искоренения такого поведения были введены военно-полевые суды и осуществлены казни.

Вторым следствием было развитие мощных групп ("мафий") вне государственного аппарата со значительными принудительными и экономическими ресурсами в их распоряжении, являющихся следствием криминальной деятельности. Боевики из Национальной Гвардии и Мхедриони брали на себя ту же роль, какую играли в Армении "силовые министерства" для вымогательства у предприятий и бизнесменов фондов на ведение войны. Они часто доставались им для приобретения оружия, часто с помощью поразительных сделок с русскими военными командирами (32). Не удивительно, что такого рода деятельность, якобы осуществляемая под знаменем патриотизма, вскоре превратилась в простой "бизнес" со множеством экономических действий ополченцев, дегенерирующих в охранной рэкет, торговлю оружием и наркотиками, и контроль над товарами жизненной важности, такими как бензин (33).

С 1991 года грузинская политика была в основном детерминирована борьбой между политической элитой страны и этими "мафиями", существующими как национализм (34). Весной 1993 года Шеварднадзе предпринял новое усилие по сдерживанию ополченцев, и в мае он упразднил Совет по Национальной Безопасности и Обороне (35), назначив вместо Китовани на пост министра обороны Гиорги Каркаршвили, другую лидирующую фигуру в Национальной Гвардии. Эти передвижения были подорваны критическим военным положением после лета, когда грузинское правительство безуспешно пыталось сопротивляться конечному абхазскому наступлению в сентябре, и успешно (с российской поддержкой) отбросило наступление, начатое сторонниками Гамсахурдиа в октябре в западных регионах страны. К концу 1993 года казалось, что Грузия может прекратить свое существование как государство; правительство полностью сдало контроль над двумя важными провинциями, Южной Осетией и Абхазией, этническим сепаратистам, и даже в значительной степени уступило улицы своей столицы бандитам.

Однако впоследствии грузинское правительство стало медленно справляться с ре-консолидацией своей власти. Зимой 1993-94 годов началась интенсивная кампания против преступности, которая принесла определенную степень безопасности для жизни большинства грузинских граждан. Осенью

1993 года два "силовых министерства" были усилены. Было создано министерство государственной безопасности во главе с бывшим офицером КГБ Игорем Гиоргадзе. Министерство внутренних дел также было поддержано назначением министром Гиви Квирая, другого бывшего офицера КГБ (36). Назначение Гиоргадзе было особенно спорным, из-за его связей с твердыми коммунистами (его отец является главой Объединенной Коммунистической партии), и с российской службой безопасности. Поэтому, пока укрепленные министерства доказывали то, что являются противовесом ополченцам, в долгосрочной перспективе они потенциально представляли собой другой источник политической угрозы для Шеварднадзе.

Как серьезная сила, Национальная Гвардия была упразднена к началу 1995 года. Хотя Каркарашвили был назначен министром обороны частично потому, что воспринимался как меньшая политическая угроза, чем Китовани, он подозревался вовлеченным в теневые сделки с оружием (37). В феврале 1994 года он был уволен и заменен через пару месяцев генерал-лейтенантом Вардико Надибаидзе, кадровым армейским офицером (38). В январе 1995 года был арестован Китовани, после попытки крестового похода с целью возвращения Абхазии (39). Мхедриони казался намного более крепким орешком. Причудливым образом, в августе 1994 года, Мхедриони смог заставить правительство предоставить ему правовой статус грузинского Корпуса Спасателей, явно гражданской оборонной организации, которой разрешено хранить свое оружие (40). В течение большей части 1994 года Иоселиани возглавлял грузинскую делегацию на переговорах с абхазами.

К началу 1995 года грузинский режим был намного менее эффективно консолидирован, чем армянский. Грузинское государство все еще не обладало монополией на ресурсы принуждения. Самым драматическим проявлением этого была полоса политических убийств (41), достигшая кульминации при попытке покушения на жизнь самого Шеварднадзе в августе (42). После этого Гиоргадзе был отстранен от своих обязанностей, а Шеварднадзе взял на себя личное командование бригадой десантников и спецназа министерства государственной безопасности (43). Тем временем была запущена кампания по подавлению Мхедриони раз и навсегда. В начале мая 1995 года Шеварднадзе отменил свой указ, разрешающий им хранить свое оружие, а в восточных регионах страны министерством внутренних дел были осуществлены операции по конфискации военного оборудования и аресту боевиков из Мхедриони. Однако, к лету 1995 года стало ясно, что далеко не все оружие Мхедриони было возвращено государству, а отношения между Шеварднадзе и Иоселиани оставались напряженными (44).

В июле было объявлено, что парламентские и президентские выборы назначены на 5 ноября (45). Грузинские выборы были намного более открытыми, чем те, что проходили в двух других закавказских республиках. Это было по трем причинам. Первое, несмотря на опыт государственного переворота и жестокое гражданское противостояние, в противовес Азербайджану, Грузия смогла сохранить оживленную политическую жизнь. Это было не только потому, что средства массовой информации оставались относительно свободными, но и, что наиболее важно, потому что успешное проведение парламентских выборов в сентябре 1992 года означало, что оппозиционные политики и политические партии сохранили форум для апелляции к общественности. Второе, Шеварднадзе не занимал поста президента. Так как одной из причин свержения Гамсахурдиа были обвинения его в том, что он злоупотреблял президентской властью, Шеварднадзе был избран лишь "главой государства". Поэтому он полагался на конструктивные политические коалиции среди парламентских фракций и групп интересов в намного большей степени, чем Тер-Петросян, который, например, смог получить широкие права назначения министров без обращения к парламенту. (46) Третье, в отличие от Армении и Азербайджана, грузинскому политическому руководству не удалось установить монополии не только на ресурсы принуждения, но и на экономические ресурсы страны. В отличие от Азербайджана, грузинское политическое руководство не может полагаться на доходы от эксплуатации природных ресурсов, чтобы "подмазывать" колеса патронажа а, в отличие от Армении, программа приватизации была начата лишь осенью 1994 года, что было слишком поздно для создания четкой клиентуры покупателей.

Осенью 1993 года Шеварднадзе создал свою политическую партию, "Союз Граждан Грузии" (СГГ), который, однако, не смог гарантировать себе политического господства, достигнутого, к примеру, АОДом. Если большое число провинциальных правителей и других государственных чиновников является членами СГГ, то правительство не укомплектовано исключительно членами СГГ. По этой причине, государственный патронаж потенциально может осуществляться от лица различных политических групп. Что более важно, политическое руководство может открыто бросить вызов враждебным "мафиозным" партиям.

Политически Шеварднадзе быстро использовал попытку покушения на его жизнь. Темур Хачишвили, заместитель министра национальной безопасности, был арестован вскоре после этого. Хачишвили был также одним из лидеров Мхедриони, а позже, при обыске парламентского офиса Джабы Иоселиани, были обнаружены запасы оружия и наркотиков. В конце сентября Иоселиани заявил, что не будет поддерживать президента (47). Грузинские власти обвинили также Игоря Гиоргадзе в планировании на квартире его отца попытки убийства. Игорь Гиоргадзе бежал в Москву, в то время как его отец, Пантелеймон, глава Объединенной Коммунистической партии, оказался вовлеченным в терроризм. Впоследствии были предприняты попытки связать деятельность Джумбера Патиашвили, другого кандидата в президенты, с семьей Гиоргадзе (48).

Таким образом, с приближением парламентских выборов, Шеварднадзе все еще был вовлечен в жесткую борьбу за контроль над политическим процессом. После этого было маловероятно, что он столкнется с серьезным вызовом в борьбе за президентство, а перспектива была небольшой для его сторонников, не получивших доминирующих позиций в новом парламенте. Его попытки ликвидировать или дискредитировать своих политических оппонентов были как знаком слабости, так и силы.

Азербайджан

Нынешний Азербайджанский режим пошел дальше по дороге авторитаризма, чем режимы в двух других закавказских республиках. Частично это было результатом капризов азербайджанского политического развития с конца 1980-х, которое характеризовалось в высшей степени антагонистическими отношениями между местным коммунистическим режимом и националистическим движением, Народным Фронтом Азербайджана (НФА). В результате, азербайджанская демократия осталась все еще рождающейся; парламентские выборы, при которых была бы свободная конкуренция между политическими партиями, не имели место, и маловероятно что будут иметь место в обозримом будущем. Авторитарный характер азербайджанского режима не является и просто продуктом его успеха в установлении монополии над ресурсами принуждения на территории страны. В этом отношении Азербайджан стоит где-то посередине между двумя крайностями в лице Армении и Грузии. Скорее, авторитаризм в Азербайджане вытекает из огромных возможностей патронажа, обеспечиваемых природными ресурсами страны, главным образом, его прибрежными нефтяными резервами. Гейдар Алиев, нынешний президент, мобилизовал эти экономические ресурсы исключительно эффективно, для создания мощной политической машины, с которой ни одна из других политических групп не может состязаться.

Подъем НФА, который вырос из массовых собраний в конце 1988 года, проводимых как протест против неудач коммунистического правительства при сопротивлении армянскому сепаратистскому движению в Нагорном Карабахе, был широким и насильственным. НФА не смог заставить местную коммунистическую партию согласиться на период "кондоминиума", подобно армянской модели, или же осуществить стратегическое отступление по грузинской модели, и, в преддверии выборов в республиканский Верховный Совет, который НФА намеревался выиграть, в январе 1990 года советской армией была проведена операция по его подавлению, в результате которой погибли сотни людей (49). После января 1990 года НФА вел полу-легальное существование, пока Аяз Муталибов, новый первый секретарь коммунистической партии, пытался разрешить Нагорно-Карабахский конфликт с помощью советской военной поддержки, и, таким образом, нейтрализовать националистические призывы НФА (50). Попытка переворота в Москве в августе 1991 года,

которую Муталибов в числе немногих республиканских лидеров поддержал, привела к краху этой стратегии, и осенью 1991 года НФА начал вновь возникать в качестве мощной политической силы. Хотя Муталибов был избран президентом на безальтернативной основе в сентябре 1991 года, несколько позже его заставили сменить Верховный Совет на новую Национальную Ассамблею (Милли Меджлис) в составе пятидесяти членов, в которой оппозиция имела половину депутатов (51). Этот назначенный орган не имел легитимности, на основе которой мог бы консолидироваться конституционный режим, и на протяжении последующих трех лет азербайджанская политика характеризовалась серией государственных переворотов, а между 1991 и 1993 годами страна имела четырех президентов (52).

В первые шесть месяцев своего существования в качестве независимого государства Азербайджан оказался в состоянии политической сумятицы. В начале марта 1992 года Муталибов был вынужден уйти в отставку с поста президента, вследствие массовых убийств азербайджанских граждан из Ходжали в Нагорном Карабахе. Ягуб Мамедов, который исполнял обязанности президента, отказался от политических уступок НФА и включения его кандидатов в правительство, а после провала попытки Муталибова захватить власть в начале мая, НФА взял правление в свои руки. Адульфаз Эльчибей, лидер НФА и, подобно Гамсахурдиа, бывший диссидент, тогда выиграл новые президентские выборы в начале июня (53).

Так как политическая стратегия Муталибова была рассчитана на продолжение существования Советского Союза, ко времени президентства Эльчибея было сделано очень мало в области создания государственного аппарата. Хотя Азербайджанская Национальная Армия формально была сформирована в октябре 1991 года, к середине марта 1992 года вся сила армии насчитывала всего лишь 500 человек (54). Азербайджан столкнулся с дополнительной проблемой при формировании армии: очень малым числом этнических азербайджанцев - офицеров советской армии. Поэтому, как и в Грузии, неформальные полувоенные группы играли главную роль в военных усилиях Азербайджана. Самым выделяющимся из всех азербайджанских командиров ополченцев был "полковник" Сурет Гусейнов.

Впервые Гусейнов приобрел известность в 1992 году, как лидер подразделения в азербайджанской "армии", которое, по его утверждению, было экипировано с помощью его личного состояния. Начальным источником его богатства была суконная фабрика, директором которой он был в Гяндже, втором по величине городе Азербайджана. Впоследствии он накопил намного более крупные суммы, зарабатывая на "комиссионных" как посредник в сделках с оружием между азербайджанским правительством и русскими военными. Предполагалось, что он также широко вовлечен в торговлю наркотиками (55). Роль, которую играл Гусейнов в азербайджанской политике, очень похожа на ту, которую играли Китовани или Иоселиани в Грузии. Как и последние, он вначале был принят националистическим движением, поскольку воспринимался как истинный патриот, которому можно больше доверять, чем профессиональным военным, которые делали свою карьеру в советской армии, и потому что он казался способным достичь быстрых результатов. В частности, подобно Иоселиани, играя центральную роль в военных усилиях страны, Гусейнов пытался превратить свой контроль над ресурсами принуждения в политическую власть, с целью охраны своих экономических интересов и получения доступа к намного более широким возможностям патронажа, которые давал контроль над государственным аппаратом.

Летом 1992 года Эльчибей назначил Гусейнова своим личным представителем в Нагорном Карабахе, с широкими полномочиями, но в феврале 1993 года он приказал отозвать его после потери стратегического подхода к армянам в Нагорном Карабахе (56). Гусейнов отказался подчиниться и укрылся в Гяндже, вместе со своими сторонниками. После неумелой попытки правительства подавить его бунт в начале июня, Гусейнов начал поход на Баку (57). Он практически не встретил сопротивления, и 18 июня Эльчибей покинул столицу, чтобы "избежать кровопролития", а Алиев, партийный босс брежневской эпохи, взял в свои руки контроль (58).

При слабости ополченцев в азербайджанской армии, разрушительная внутренняя политическая

борьба позволила армянам одержать убедительную победу в Нагорном Карабахе в 1992-93 годах и оккупировать около двадцати процентов азербайджанской территории. Летом 1993 года казалось, что азербайджанское государство стоит на грани дезинтеграции. Не только армяне осуществляли драматические продвижения, но и в других частях страны стали появляться сепаратистские движения (59). Однако, раздробление государственной власти в Азербайджане не пошло настолько далеко, насколько это было в Грузии. Первое, хотя Эльчибей и отказался признать легитимность нового правительства, именно он вначале пригласил Алиева обратно в Баку в попытке предотвратить возвращение намного более откровенно про-российского Муталибова. Второе, хотя сразу же после изгнания Эльчибея Алиев согласился позволить Гусейнову назначить своих людей главами "силовых министерств", в течение лета он переиграл его, оставив ему лишь относительно маловажный пост премьер-министра. К осени Алиев уже осуществлял чистку армии от НФА и сторонников Гусейнова, пытаясь установить объединенную структуру командования (60). Осенью 1994 года Алиев предпринял попытку сместить Гусейнова, который все еще имел эффективный контроль в Гяндже и ряде западных регионов страны. В октябре он повернул конфликт с Ровшан Джавадовым, заместителем министра внутренних дел, против его патрона, Гусейнова, обвиняя последнего в подготовке переворота. Вскоре после этого Гусейнов покинул страну (61). В свою очередь, в марте 1995 года Алиев обвинил Джавадова в контрабанде стратегическими материалами, а правительственные войска взяли штурмом казармы, где располагалось преданное ему подразделение полиции, убив его в этом процессе (62). К весне 1995 года Алиев ликвидировал последние остатки ополчений, которые возникли вместе с НФА.

Любая перспектива установления демократического режима была главной жертвой многочисленных политических переворотов, которые потрясли Азербайджан с 1988 года. Парламентские выборы проводились в сентябре 1990 года, а президентские ежегодно в каждый из предшествующих годов, в ноябре 1991 г., в июне 1992 г., и в октябре 1993 г. Во всех случаях эти выборы проводились просто для подтверждения легитимности насильственных действий, предпринятых ранее лидерами страны, во всех случаях в большей или меньшей степени они подвергались подтасовкам. Неспособность Эльчибея оказать какое-либо сопротивление перевороту Гусейнова является наглядной иллюстрацией его провала в обеспечении монополии на средства принуждения на территории страны; это было также результатом его неспособности демократизировать политическую систему Азербайджана. Когда он пришел к власти в июне 1992 года, то было быстро назначено проведение парламентских выборов. Если бы парламентские выборы были проведены осенью, то более вероятно, что НФА обеспечил бы себе значительное большинство. Вместо этого выборы постоянно откладывались, и, при стабильно падающей популярности НФА, они превращались во все менее благоприятную перспективу для правительства.

Алиев вел себя в откровенно авторитарной манере. Вскоре после его прихода к власти была установлена цензура прессы советского типа, которая впоследствии не была облегчена. Как НФА, так и коммунистическая партия были отстранены от регистрации для участия в выборах 1995 года.

Есть и другой ряд причин того, почему как Эльчибей, так и Алиев не смогли дать толчок демократизации азербайджанской политической системы. Единственная из трех закавказских республик, Азербайджан владеет ценными природными ресурсами, огромными прибрежными нефтяными резервами. Политическая группа, которая могла заключить сделку с западными компаниями по эксплуатации этой нефти, имела бы в своем распоряжении внушительный экономический резерв для поддержки своей политической позиции. Правительство Эльчибея хорошо сознавало этот факт и основало Государственную Нефтяную Компанию Азербайджанской Республики (ГНКАР или SOCAR) во главе с Сабитом Багировым, длительное время членом НФА. Для обеспечения того, чтобы в дальнейшем правящий режим имел выгоду от нефтяной сделки с западными компаниями, был создан нефтяной директорат, в котором были представлены высшие политические, общественные фигуры и руководители ГНКАР для одобрения всех сделок с иностранными компаниями (63). Сделка с западным нефтяным консорциумом завершилась весной 1993 года, и наверняка перспектива быть исключенным из нее была одной из причин, побудивших Гусейнова поднять свое восстание.

Когда в июне Алиев вернулся в Баку, он приостановил переговоры с западным нефтяным консорциумом, но они были возобновлены осенью, и летом 1994 года "сделка века" была наконец подписана (64). Алиев искусно использовал нефтяной доход для консолидации грозного режима, основанного на патронаже (65). Самым наглядным примером такого патронажа было распределение членов его семьи на ключевые посты, прежде всего назначение его сына Илхана Алиева заместителем директора ГНКАР. Осенью 1992 года государственный секретарь Лейла Гаджиева была вынуждена уйти в отставку после того, как она подвергла критике кумовство режима Алиева (66). В общем, Алиев старался перевести своих людей из провинции Нахичевань на ключевые посты своего режима. Иногда это вызывало враждебность со стороны местного населения, особенно Бакинской элиты, но, в то же время, ее социальная изоляция делает ее еще более зависимой от него. При власти, сконцентрированной вокруг личности президента, азербайджанская политика все более и более напоминает форму "судебной политики", где разные политики и группы интересов желают добраться до уха Алиева с целью обеспечения своей карьеры. На этом фоне он может награждать и наказывать своих клиентов путем назначений или смещений с выгодных, дающих доход официальных постов.

Результаты парламентских выборов в Азербайджане в ноябре 1995 года являются заранее принятым решением. В 1992 году Алиев основал свою политическую партию, Новый Азербайджан, но в сущности это маскировка для сетей патронажа, на котором в действительности основан его режим. С твердой монополией на средства принуждения на территории страны, и отстранением главных оппозиционных партий от управления, как гарантии против переворотов, Алиев обеспечен достаточным большинством. Препятствуя российской интервенции (которая не может быть исключена), и с доходом от "ранней нефти" Каспия, которая должна потечь в 1996 году, питая его систему патронажа, стратегия Алиева по консолидации режима кажется успешной.

Выводы

Эта статья поднимает интересные вопросы о взаимосвязи между проблемами консолидации режима, экономической власти и демократизации в пост-советских республиках. С одной стороны, консолидация режима является необходимым условием демократии; если режим не может обеспечить основных гарантий личной безопасности для его граждан и создать бюрократию, которая функционирует в соответствии с последовательными правилами, то не может быть вопроса о демократических выборах. Но в Закавказье, те политики и политические движения, которые были наиболее успешными в деле консолидации новых режимов, оказались наименее успешными в поддержании ясной политики демократизации. В случае с Грузией, более вероятным выглядит то, что демократические стороны выборов 1995 года обязаны больше слабости режима Шеварднадзе, чем приверженности демократическим принципам.

Конечно, чрезвычайные положения, с которыми сталкивались все три закавказские республики еще до обретения ими независимости, и их борьба за подавление полувоенных организаций, отличают их от других пост-советских республик. За исключением Средней Азии, определенно ни в одной из бывших советских республик находящееся в затруднительном положении руководство не было способно так легко обеспечить себе переизбрание. Однако, как показывает данная статья, консолидация режимов в Закавказье не включает только лишь установления монополии на средства принуждения на их территориях, но также и тенденцию к монополии на экономические ресурсы. По мере того, как пост-советские режимы в Закавказье укрепляли свое влияние на ресурсы принуждения, они также достигали контроля над доходными природными ресурсами и осуществлением программ приватизации. Это дает находящемуся в затруднительном положении политическому руководству как мощные стимулы (они опасаются, что потеря политической власти будет сопровождаться потерей экономических ценностей и источников доходов), так и мощные средства (через патронаж) манипулирования демократическим процессом, чтобы остаться у власти. Вероятно стоит обратиться еще раз к тем политическим теоретикам, которые указывают на тесную связь между уровнями экономического развития, и в особенности появлением независимого среднего класса и демократизацией, а не к тем, кто ограничивается стратегиями перехода и

- * Джонатан Эйвс - лектор Школы Европейских Исследований Сассекского Университета.
1. Например, большевистская партия в России в 1917 году имела реальную массовую базу среди промышленных рабочих, но очень скоро, придя к власти в октябре, она приняла политику, которая противоречила устремлениям этих рабочих, так как приняла решение о трудоустройстве "буржуазных" специалистов. Я благодарен сотруднице кафедры социологии Ереванского университета Марине Куркчян за ее проницательность, которая помогла мне осмыслить общественные процессы.
 2. Число голосующих на парламентских выборах в Армении в июле 1995 г. было значительным и скорее не подтверждает этой точки зрения, но верно и то, что число пришедших на выборы, организованные оппозицией, было небольшим, и АОД даже не беспокоился по поводу организации таких мероприятий, хотя они были его сильной политической стороной в конце 1980-х.
 3. Ronald Grigor Suny, *Looking Towards Ararat. Armenia in Modern History*, Indiana University Press, 1993, pp. 234-36.
 4. Гагик Арутюнян до июля 1992 года и Хосров Арутюнян до января 1993 года. *Армянский Международный Журнал*, август-сентябрь 1992 г., с.16-21.
 5. Интервью с автором, 25 мая 1995 года.
 6. Независимая Газета, 22 апреля 1992 г.
 7. *Russia Briefing*, Vol. 2, No. 2, (25 February 1994).
 8. *Independent*, 6 August, 9 August, 13 August and 31 August 1990.
 9. *Армянский Международный Журнал*, февраль 1994 г.
 10. Одной из причин, позволивших Тер-Петросяну запретить Дашнакцутюн в конце декабря 1994 года было то, что она руководила подпольной террористической организацией под названием Дро, однако очевидности существования такой организации пока нет и исходя из той информации, которая доступна, не видно, была ли она связана с отрядами ополчения, принимавшими участие в Нагорно-Карабахском конфликте. *Армянский Международный Журнал*, ноябрь-декабрь 1994 г.
 11. Монте Мелконян, один из наиболее известных боевиков диаспоры, взимал налог на вино в районе Нагорного Карабаха, где ему энергично платили в форме дизельного горючего и боеприпасов. Маркар Мелконян (ред.), *Право на борьбу. Избранные произведения Монте Мелконяна об армянском национальном вопросе*, Сардарабад Коллектив, второе издание, 1993 г.
 12. Независимая Газета, 20 ноября 1992 г.
 13. *Армянский Международный Журнал*, август-сентябрь, 1994 г.
 14. Интервью с автором, май-июнь 1995 г.
 15. BBC Summary of World Broadcasts citing Armenian Radio, 31 October 1992
 16. *Армянский Международный Журнал*, август-сентябрь 1994 г.
 17. Осенью 1993 года Саркисян заявлял, что армянская армия насчитывает 50,000, но более точные цифры размеров армянской армии составляют от 30,000 до 35,000 человек, см. BBC Summary of World Broadcasts citing Russian radio 3 November 1993 and citing Georgian press, 25 June 1994 and Jane's Sentinel. *Global Security Assessment*, 1994. Оценки размеров азербайджанской армии колеблются от 40,000 до 50,000 человек, но если бы Азербайджан смог мобилизовать свое население на том же уровне что и Армения, то он создал бы армию численностью в 65,000 - 70,000, см. BBC Summary of World Broadcasts citing Georgian press, 25 June 1994, Jane's Sentinel. *Global Security Assessment*, 1994 and Roy Allison, *Military Forces in the Soviet Successor States*, IISS, 1993, p. 68.
 18. Раффи Ованесян (министр иностранных дел), октябрь 1992; Вазген Манукян (премьер-министр и министр обороны), июль 1993; Ашот Манучарян (советник президента по национальной безопасности), август 1994.
 19. COVCAS Bulletin, Vol. 4, No 8, 20 April 1994 and Vol. 4, No 12, 22 June 1994.
 20. COVCAS Bulletin, Vol. 4, No 13, 13 July 1994.
 21. В ответ Сирадегян выдвинул ряд обвинений о якобы коррумпированной деятельности Манучаряна и Галстяна, в которые нет причин верить, что они менее обоснованны, чем нацеленные на него обвинения.

22. Интервью с Сергеем Бадаляном, лидером Армянской Коммунистической партии, взятое автором 23 мая 1995 года.
23. COVCAS Bulletin, Vol. 4, No 24, 21 December 1994.
24. COVCAS Bulletin, Vol. 5, No 1, 4 January 1995.
25. COVCAS Bulletin, Vol. 5, No 14, 12 July 1995; Национально-демократический институт международных отношений. Доклад миссии наблюдателей в Армении. 15-31 марта 1995 года; и Армения 1995: Демократия и права человека. Доклад Британской Хельсинкской группы по правам человека.
26. Financial Times, 21 February 1991.
27. Independent, 30 January and 31 January 1991.
28. Economist, 11 January 1992.
29. Jane's Sentinel. Global Security Assessment, 1994.
30. Financial Times, 15 October 1992.
31. Independent, 23 April 1993.
32. Часто сделка маскировалась под инсценированное нападение ополченцев на российскую военную базу, так что русские командиры могли сделать вид будто бы их заставили выдать оружие.
33. Например, головорезы из Мхедриони заставили менеджера роскошного австрийского отеля Метехи в Тбилиси бежать из страны в конце 1994 года. Guardian, 8 November 1994.
34. Помимо мародерства и торговли оружием ополченцы также имели важный экономический интерес в продолжении этнических конфликтов, например, Каркарашвили обвинялся в продаже военных секретов абхазам. COVCAS Bulletin, Vol. 4, No 4, 23 February 1994.
35. Georgian Chronicle, April 1993.
36. Georgian Chronicle, October 1993.
37. Georgian Chronicle, February-March 1994.
38. Georgian Chronicle, April 1994.
39. Georgian Chronicle, January 1995.
40. Georgian Chronicle, August 1994. Это не остановило их перед продолжением своей криминальной деятельности.
41. Гиорги Чантурия, лидер Национально-Демократической партии (декабрь 1994 г.); покушение на жизнь Гиоргия Каркарашвили (январь 1995 г.); Сулико Хабеишвили, политический советник Шеварднадзе (июнь 1995).
42. Guardian, 30 August 1995.
43. Reuters, 2 September 1995; TASS, 3 September 1995.
44. Georgian Chronicle, May 1995.
45. В августе парламентом была принята новая Конституция, устанавливающая президентское правление. Reuters, 24 August 1995.
46. Stephen F. Jones, 'Georgia's Power Structures' in RL/RFE Research Report, Vol. 2, No 39, 1 October 1993, pp. 5-9.
47. Reuters, 5 October 1995.
48. Reuters, 4 October 1995; и Независимая Газета, 17 октября 1995 г.
49. Audrey L. Altstadt, The Azerbaijani Turks. Power and Identity Under Russian Rule, Hoover Institution Press, 1992, pp. 204-219.
50. Independent, 29 September 1990; and Guardian, 12 September 1991.
51. Elizabeth Fuller, Azerbaijan at the Crossroads, RIIA, 1994, p. 5.
52. Аяз Муталибов (с сентября 1991 г. по март 1992 г.); Ягуб Мамедов (с марта 1992 г. по май 1992 г.); Адульфаз Эльчибей (с июня 1992 г. по июль 1993 г.); и Гейдар Алиев (с октября 1993 г. по настоящее время).
53. Elizabeth Fuller, Azerbaijan at the Crossroads, RIIA, 1994, pp. 5-7. Президентские выборы в июне 1992 года были самыми открытыми, из когда-либо проводившихся в недавней истории Азербайджана, хотя непосредственно перед выборами Алиев был отстранен от участия посредством установления для кандидатов возрастного предела в 65 лет. В 1992 году Алиеву было 69 лет. Независимая газета, 23 апреля 1992 г. и 28 апреля 1992 г.
54. Richard Woff, 'The Armed Forces of Azerbaijan' in Jane's Intelligence Review, Vol. 5, No 10, October 1993, p. 460.

55. Thomes Goltz, 'Letter From Eurasia: The Hidden Russian Hand' in Foreign Policy, Fall, 1993, pp. 110-11.
56. Turkey Confidential, No 37, March 1993, pp.26-7.
57. Guardian, 8 June 1993.
58. Financial Times, 19 June 1993.
59. Наиболее драматично заявление Тальшско-Муганской Республики в южном городе Ленкорани в августе.
60. Russia Briefing, 25 January 1994, p 8.
61. Laura le Cornu, Azerbaijan's September Crisis: An Analysis of the Causes and Implications, RIIA, 1995.
62. Financial Times, 16 March 1995; Guardian, 18 March 1995.
63. Central European, April 1993.
64. Financial Times, 2 July 1993; Financial Times, 21 September 1993.
65. В советские времена это была его сильная сторона. См. John P. Willerton, Patronage and Politics in the USSR, Cambridge, 1992, Chapter 6.
66. Московские Новости, 19-26 февраля 1995 г.